

The background of the entire page is a vibrant, painterly illustration of a winter scene. In the foreground, a family of four—two adults and two children—are seen from behind, walking through deep snow. The adults are wearing heavy winter coats and hats, and the children are in smaller winter gear. A large, fluffy dog is walking alongside them. In the middle ground, a small, cozy wooden cabin with a snow-covered roof and glowing windows sits on a snowy slope. Smoke is rising from the chimney. The background features rolling snow-covered mountains and evergreen trees under a sky with a large, bright sun or moon in shades of orange and yellow, creating a warm, golden-hour atmosphere.

НОВЫЙ ГОД БЕЗ АДРЕСА

и
Наталья Стоун

Наталья Стоун

Новый год без адреса

<https://litres.ru/74650334>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что делать, если накануне Нового года метель стирает дорогу, связь пропадает, а знакомый маршрут вдруг становится ловушкой?

Семья Зои спешит домой, но оказывается в снежном плену. Чтобы пережить ночь и найти дорогу, им предстоит не гадать, а проверять: остановиться, беречь заряд телефона, держаться вместе, отличать факты от догадок и искать помощь без рискованных решений.

«Новый год без адреса» — семейная история и практичный разговор о безопасности в зимней поездке. Она напоминает: осторожность — не слабость, а забота о тех, кто рядом. Для семейного чтения и всех, кто хочет действовать яснее, если планы рушатся, а дорога исчезает. Здесь надежда рождается не из подвига, а из спокойных решений и взаимной поддержки.

Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image -
Лицензия

Содержание

Домой до полуночи	5
Последний поворот	15
Метель закрывает дорогу	27
Когда пропадает связь	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Наталья Стоун

Новый год без адреса

Новый год без адреса

Наталья Стоун

Домой до полуночи

У бабушки Зои мандарины пахли так, будто Новый год уже начался и просто ждал, когда его догонят. Их кожура лежала на блюде закрученными оранжевыми ленточками, чай в стаканах давно остыл, а на батарее сохла одна-единственная варежка.

— Кто первый поздравит соседей? — спросила бабушка, не поднимая глаз от шарфа, который складывала вчетверо.

— Я, — сказал Сергей. — Если никто не успеет раньше.

— Ты в прошлом году первым поздравил дверной глазок, — напомнила Аня.

— Он тоже сосед. Просто молчаливый.

Лиза хихикнула и прижала к груди бумажную звезду. Она сделала её сама: из плотной золотистой бумаги, с неровными лучами и маленькой складкой у основания, чтобы звезда могла стоять на подоконнике, пока её не повесят в окно. Вороновы каждый Новый год встречали дома. Перед полуночью зажигали звезду в окне, а потом ждали, кто из соседей первым заметит свет и крикнет поздравление через двор.

— Мы успеем, — сказала Лиза. — Я обещала звезде, что она будет в нашем окне.

— Звёзды терпеливые, — отозвалась бабушка. — В отличие от людей, которые всё время смотрят на часы.

Сергей посмотрел на часы. На кухонном подоконнике сто-

яла старая настольная лампа с зелёным абажуром; её свет ложился на стол мягким кругом, и внутри этого круга время казалось не таким важным. За окном, однако, ветер уже гнул голые ветки яблони.

Телевизор в комнате бормотал прогноз погоды. Синоптик предупреждал о метели, которая должна была усилиться ближе к ночи. Аня выключила звук и открыла на телефоне дорожную сводку.

— На нашей дороге пока без ограничений, — сказала она. — Но предупреждение действует с одиннадцати. Видимость может резко ухудшиться.

— До дома сорок пять минут, — ответил Сергей. — Мы эту дорогу знаем как собственный коридор.

Он говорил спокойно, не отмахиваясь от неё. Сергей и вправду ездил в бабушкин посёлок много раз: летом за картошкой, осенью за яблоками, зимой — на семейные праздники. Он знал, где дорога сужается у леса, где после моста начинается длинный поворот, где дорожный знак наклонён к обочине так, словно тоже устал от зимы.

— Можно остаться, — сказала бабушка. — У меня диван раскладывается. Чайник ещё полный.

Это было не упрёком, а простым предложением. Оттого отказаться оказалось труднее.

Аня взглянула на Лизу. Та осторожно провела пальцем по одному из лучей звезды, выравнивая маленькую складку.

— Мы обещали, — сказала девочка.

Она не капризничала. В её голосе было не «хочу сейчас», а «это важно для нас». Аня услышала разницу и на миг почувствовала, как её собственная тревога сталкивается с дочериным ожиданием. Обе были настоящими. Ни одна не отменяла другую.

Сергей надел пальто.

— Дорога знакомая, машина подготовлена, заправились утром. Если станет хуже — оценим по обстановке.

— Не оценивай по одному только навигатору, — сказала Аня.

— Не буду.

Он поцеловал бабушку в щёку. Лиза тоже обняла её, оставив на шарфе блестящую бумажную чешуйку от звезды.

У двери Сергей обнаружил, что забыл вареники. Вернулся в кухню, забрал их с батареи, где они успели прогреться, и заодно допил остывший чай. Бабушка протянула ему мандарин.

— В дорогу, — сказала она. — Чтобы не забыли, что вы едете из дома в дом.

— У нас есть навигатор, — ответил Сергей.

— Вот поэтому и даю мандарин.

В машине было тепло. Перед поездкой Аня проверила, что телефон заряжен, а в багажнике лежат щётка для снега, скребок, небольшая лопата и плед. Сергей убедился, что топлива хватит с запасом. Это не отменяло метель, но позволяло не превращать простую поездку в авантюру. Зимой

полезно думать не только о том, как добраться, но и о том, что пригодится, если добираться придётся дольше, чем планировали: тёплая одежда, вода, зарядка, возможность сообщить близким, где вы находитесь.

— Варезки у всех? — спросила Аня.

— У меня две пары, — сказала Лиза.

— А у меня мандарин, — объявил Сергей.

— Это не варезки.

— Пока нет. Но у меня большие планы.

Лиза устроила звезду на панели приборов, подальше от воздуховода, и придержала ладонью, чтобы та не упала на первом повороте.

— Только не закрывай обзор, — попросила Аня.

— Не закрывает. Она маленькая.

В лобовом стекле отражение звезды возникло над дорогой — золотое, двойное, будто впереди ехала ещё одна, совсем крошечная праздничная звезда.

Сначала снег был редким. Хлопья попадали в свет фар и тут же исчезали, словно дорога принимала их за собственные мысли. Сергей включил навигатор. На экране синяя линия уверенно тянулась через поля и лесной участок, а расчётное время прибытия обещало: двадцать три двадцать восемь.

— Видишь? — сказал он. — Даже навигатор считает, что успеем.

— Навигатор считает время, — ответила Аня. — Не видимость.

— Справедливо.

Он не спорил. Просто положил телефон в держатель и тронулся чуть медленнее, чем обычно.

В салоне звучала новогодняя песня, которую Лиза знала наизусть, но всё равно путала слова. Сергей подпевал нарочно неверно. Аня поправляла его, тоже ошибаясь. На несколько минут машина стала продолжением бабушкиной кухни: здесь было тепло, пахло цитрусом и мокрой шерстью, а будущая полночь казалась почти домашним делом — вроде того, которое можно выполнить по списку.

У дорожной развилки снег уже шёл плотнее. Там, где поле подходило к лесу, стоял широкий карман для остановки — вычищенный край площадки у старого указателя. Впереди начинался отрезок дороги между деревьями, который Сергей хорошо помнил, но именно там ветром часто наметало снег с обочин.

Он сбросил скорость.

— Если сейчас развернуться, — сказала Аня, — до бабушки минут пятнадцать. И останемся ночевать. Утром спокойно поедem домой.

Лиза прижала ладони к звезде.

— Но мы обещали.

— Знаю, — сказала Аня. — Я не забыла.

В голосе не было раздражения. Она говорила с дочерью так, словно приглашала её не уступить, а посмотреть вместе. Лиза опустила взгляд на бумажные лучи и промолчала.

— Погода может ухудшиться раньше прогноза, — продолжила Аня. — Мы уже видим, что снег усиливается.

— Пока видим дорогу, — ответил Сергей. — До города тридцать с небольшим километров. Если идти медленно, успеем. Обратно — тоже не без риска. Тут главное не метаться.

Это звучало разумно. Так часто и звучат решения, которые потом приходится пересматривать: в них есть факты, опыт и привычка, а ещё — маленькая надежда, что условия останутся такими, какими были пять минут назад.

Аня посмотрела через лобовое стекло. Дорожная разметка местами уже пропадала под снежной пылью. В свете фар снежинки казались гуще, чем были на самом деле, — отражённые лучи снижали контраст, и глаза уставали различать, где дорога, а где её белый край. Сергей переключил дальний свет на ближний: при сильном снегопаде яркий свет часто возвращается от хлопьев прямо к водителю, делая видимость ещё хуже.

— Хорошо, — сказала Аня. — Но если видимость станет хуже или мы перестанем уверенно различать край дороги, остановимся в безопасном месте и позвоним бабушке. Не будем пробовать «ещё чуть-чуть».

Сергей кивнул.

— Договорились.

Можно было бы назвать это маленьким семейным соглашением, но у таких соглашений есть тонкость: они работают,

только если границу определили заранее и всерьёз. В метель человеку легко сказать себе, что видимость ещё достаточная, поворот уже близко, а остановиться удобнее через километр. Стресс сужает внимание: мы цепляемся за то, что помогает продолжать выбранный путь, и хуже замечаем признаки, которые требуют изменить решение. Поэтому полезно до поездки ответить на три вопроса.

1. Что станет для меня сигналом остановиться или повернуть назад? Не расплывчатое «если будет совсем плохо», а конкретный признак: официальное предупреждение о закрытии дороги, резкое падение видимости, потеря ориентиров.

2. Где можно безопасно переждать? Заранее отмеченная гостиница, заправка, населённый пункт или другое место вне проезжей части — не случайная обочина в пургу.

3. Кому я сообщу маршрут и время контрольного звонка? Даже короткое сообщение помогает не оставаться одному со своим решением.

Вороновы были готовы к зимней поездке, но не договорились о самом трудном: в какой момент обещание успеть перестанет быть важнее безопасности. Они ещё не знали, что именно этот вопрос вскоре потребует ответа.

— Поедем? — спросил Сергей.

Аня посмотрела на дочь.

— Решать будем не по часам, — сказала она.

— Хорошо, — ответил Сергей. — По дороге.

И повернул руль в сторону лесного участка.

Когда машина снова тронулась, Лиза поставила звезду на панель чуть крепче. Сергей ехал медленно, не нажимая на газ в поворотах и не пытаясь резко тормозить. На снегу тормозной путь возрастает, а на укатанном покрытии или льду может стать намного длиннее, чем на сухом асфальте; ни зимние шины, ни система ABS не отменяют законов движения. Аня следила не только за навигатором, но и за тем, что происходило за стеклом.

Пока всё ещё было узнаваемо. По правой стороне тянулся лес, за ним иногда мелькали редкие огоньки дачных домов. На карте синяя линия оставалась ровной. Сергей говорил, что через несколько минут будет поворот у старого моста. Лиза считала до полуночи не минуты, а семейные дела:

— Сначала повесим звезду. Потом зажжём. Потом посмотрим, кто первый нас заметит. Если никто не заметит, я сама поздравлю соседей.

— Через окно? — спросил Сергей.

— Да. Я могу кричать громко.

— Мы знаем, — сказала Аня.

В машине снова засмеялись. Смех получился коротким, но тёплым. Потом радио зашипело и потеряло песню. Сергей убавил громкость. Дворники стали работать чаще. Снег стекал по стеклу косыми полосами, и дорога впереди казалась уже не лентой, а узким коридором, который всё время заново прокладывали фары.

— Звезда дрожит, — сказала Лиза.

— Дорога неровная, — ответил Сергей.

— Может, она волнуется.

— Тогда мы похожи, — тихо сказала Аня.

За поворотом должен был появиться ряд фонарей на окраине посёлка. Сергей знал: сначала будет один, наклонённый, потом ещё три через равные промежутки. Он не раз проезжал здесь в темноте. Знакомый маршрут был для него чем-то большим, чем линия на карте: последовательностью деталей, телесной памятью о поворотах и расстояниях. Но метель меняла эту последовательность. Она не убирала дорогу — она убирала всё, по чему дорогу узнают.

Снег всё чаще бил в стекло. На панели рядом со звездой лежала мягкая тень от Лизиной ладони. Девочка убрала руку и посмотрела на отражение в лобовом стекле. Золотые лучи всё ещё были там, над дорогой.

Затем первые крупные хлопья прошли между машиной и светом фар. Отражение звезды дрогнуло. Ещё несколько снежинок легли на стекло, и её золотистый двойник стал расплываться, словно кто-то осторожно стирал его мокрой варежкой.

— Пап, — сказала Лиза, — а фонари уже должны быть?

— Скоро, — ответил Сергей.

Аня не стала спрашивать, сколько именно значит «скоро». Она смотрела туда, где дорога должна была продолжаться, и искала не линию навигатора, а её края.

Сзади ещё угадывались огни посёлка. Потом между ними и машиной встала снежная пелена. Света стало меньше, пространство за стеклом — больше. Сергей чуть крепче сжал руль. В салоне всё ещё пахло мандарином, радио отсчитывало последние часы старого года, а бумажная звезда лежала на панели, настоящая и маленькая.

Привычные дорожные огни исчезли за снегом. Впереди остались фары, навигатор и дорога, которой семья больше не могла видеть целиком.

Дом был не только точкой, куда нужно успеть к полуночи. Он был обещанием быть рядом — и, иногда, заботой, которая начинается с готовности изменить планы. Вороновы ещё не знали, придётся ли им это сделать. Они только поняли, что знакомый путь больше не выглядит знакомым.

Последний поворот

У знакомой дороги есть одна хитрость: она кажется знакомой ровно до того мгновения, когда исчезает привычный ориентир. Зимой это происходит без предупреждения. Куст, который летом обозначал поворот, становится белым холмом; вывеска магазина сливается с темнотой; две колеи, расходившиеся у леса, превращаются в одинаковые полосы на снегу. И тогда человек может быть совершенно уверен, что помнит дорогу, — и все же не знать, куда она ведет.

Сергей был уверен.

— Через четыреста метров сверните направо, — произнес навигатор спокойным голосом, которому, казалось, никогда не приходилось откапывать машину из сугроба.

На экране мигнула стрелка. Синяя линия уходила с шоссе в сторону темного леса и обещала срезать почти двадцать минут. Сергей сбросил скорость, посмотрел на дорогу, потом на экран.

— Вот. Короткий объезд. Сейчас обойдем этот затор и выйдем обратно на трассу.

Аня не ответила сразу. Она прижала ладонь к стеклу, словно могла удержать за ним свет фар впереди. Метель шла косо, плотными хлопьями, и дворники скрипели на каждом взмахе. В салоне пахло мокрой шерстью, мандариновой кожурой и остывшим чаем из термоса. На заднем сиденье Ли-

за устроилась между подарочными пакетами и пыталась не наступать на коробку с печеньем.

— Это дорога к старому лесному участку, — наконец сказала Аня. — Не к шоссе.

— Я по ней ездил. Она выводит на трассу.

— Когда?

Сергей пожал плечом.

— Не помню. Несколько лет назад.

— Прекрасно, — сказала Лиза с заднего сиденья. — Навигатор помнит лучше всех, но у него нет глаз. Папа помнит дорогу, но не помнит когда. Мама помнит, но не уверена, что именно.

— Ты очень точно описала нашу семью, — сказал Сергей.

— Я старалась.

Они уже позволили себе опоздать сегодня. Не гнали по скользкому шоссе, когда видимость ухудшилась, и сделали остановку, хотя планировали приехать засветло. Сергей помнил об этом решении и был им доволен. Но экран предлагал простое, быстрое решение — дорогу короче, время в пути меньше. Отказаться от такой подсказки казалось почти нелогичным.

Он включил поворотник.

— Давайте хотя бы посмотрим, — сказал он. — Если дорога совсем плохая, развернемся.

— Посмотреть на что? На снег? — спросила Аня.

— На знаки.

Именно тогда Лиза заметила указатель. Он стоял у обочины, накренившись под тяжелой шапкой снега. Нижний край был виден, верхняя часть — нет.

— Там что-то написано, — сказала она.

Сергей притормозил, но не остановился.

— Наверное, номер дороги.

— Или предупреждение, — сказала Аня.

— Если бы было важное предупреждение, его бы чистили.

— Конечно, — ответила она. — У дорожных знаков ведь есть маленькая лопата и сменный дежурный.

Сергей усмехнулся, но сворачивать уже начал. Машина мягко съехала с шоссе на проселок. Сначала дорога действительно показалась вполне приличной: две колеи, утрамбованный снег, по краям — темные ели. Навигатор радостно перестроил маршрут и добавил, что до места назначения теперь сорок семь минут.

— Видите? — сказал Сергей. — Сорок семь. На основной дороге было почти час десять.

— Это не довод, — сказала Аня.

— Это число.

— Число тоже может ошибаться.

— Мама спорит с арифметикой, — сообщила Лиза коробке с печеньем.

Первые несколько минут никто не говорил. Машина катилась между деревьями, и снег, цепляясь за стекло, дробился в свете фар. Потом обочины стали ниже. Еще через минуту

исчезла старая ограда, которую Сергей принял за знак, что проселок ведет к чьему-то хозяйству. Дорожные отражатели попадались все реже. На экране синяя линия продолжала изгибаться вперед, но маленький треугольник автомобиля иногда замирал, а потом вдруг перескакивал на несколько сантиметров.

— Он тормозит? — спросила Лиза.

— Навигатор не может тормозить, — сказал Сергей.

— Тогда чего он стоит?

— Он думает, — ответила Аня.

— Очень удобно. Когда взрослые не знают дороги, они тоже говорят, что думают.

Сергей бросил на нее взгляд в зеркало.

— Лиза сегодня особенно добрая.

— Она просто точная, — сказала Аня.

На следующем изгибе машина качнулась: одно колесо попало в размягченную снежную кашу у края колеи. Сергей осторожно выровнял руль. Аня положила руку на приборную панель, не отрывая глаз от дороги.

— Я здесь была с отцом, — сказала она. — Мы ездили за клюквой. Это было давно, но я помню. После участка дорога уходила к просеке. Там стоял красный шлагбаум.

— Шлагбаума давно нет.

— Откуда ты знаешь?

— Я его не видел, когда ездил.

— Может, ты ездил с другой стороны.

— А может, это была другая дорога.

— Тогда зачем ты говоришь, что помнишь эту?

Сергей не ответил. Его память держалась за другое: за серую кабину служебной машины, за грязь на ковриках, за мужчину в вязаной шапке, который показывал рукой «прямо, потом налево». Возможно, впереди действительно был выезд на трассу. Возможно, Сергей запомнил не саму дорогу, а уверенность того человека. На памяти иногда остаются не повороты, а жесты, запах бензина, спешка, чей-то голос. Через годы мозг складывает из них цельную картину — даже если между отдельными кусками есть пробелы.

Дорога свернула между двумя рядами елей. Слева деревья стояли тесно, почти касаясь ветвями. Справа редели, и сквозь них проступала белая полоса поля.

— Мы уже должны были увидеть знак, — сказала Аня.

— Его могло замести.

— Вот именно.

Навигатор объявил: «Продолжайте движение два километра». Стрелка на экране мигнула, замерла и снова ожила. Сергей убрал телефон в держатель подальше от рук, но все равно время от времени косился на него.

— Не смотри на экран на ходу, — сказала Аня. — Если надо проверить, остановись.

— Я смотрю на дорогу.

— Ты смотришь и туда и туда.

— Я умею.

— Папа, — вмешалась Лиза, — я не хочу, чтобы ты умел сразу два дела, если одно из них — вести машину по лесу в метель.

Сергей тяжело выдохнул.

— Хорошо. На ближайшем расширении остановлюсь.

Он сказал это таким тоном, будто уступал не жене, а сложной международной комиссии.

Расширение нашлось через пару сотен метров. Сергей съехал чуть в сторону, оставив колеи свободными, включил аварийную сигнализацию и заглушил музыку. Дворники еще некоторое время двигались по привычке, потом остановились. В наступившей тишине стали слышны удары снега по крыше.

Аня достала из бокового кармана бумажный атлас. Он был старый, в мягкой обложке, с загнутыми углами. Сергей когда-то купил его в дорогу и с тех пор возил в машине как символ разумной предусмотрительности. Теперь атлас был размокшим у нижнего края: в дверном кармане протекла бутылка воды. Нужный разворот слипся, и Аня осторожно разъединила страницы ногтем.

— Только не порви, — сказал Сергей.

— Я пытаюсь не порвать единственную карту, которую мы взяли с собой.

— Навигатор тоже карта.

— А это — карта, которая не может сказать «поверните направо» с видом человека, которому все равно, куда мы

уедем.

Страницы разошлись, оставив на сгибе неровный мокрый след. Масштаб был слишком крупным: лесной проселок обозначался тонкой линией, и понять, где именно они находились, было трудно. Аня провела пальцем по развороту.

— Здесь дорога идет к лесному участку. А дальше... — она наклонила страницу к свету. — Дальше либо заканчивается, либо соединяется с другой дорогой. Не разобрать.

— То есть ты тоже не знаешь.

— Да. Я не знаю.

Эти слова прозвучали тише, чем спор. Сергей повернулся к ней. Он ожидал возражения, упрека, может быть, еще одного воспоминания. Аня же просто признала границу того, что могла вспомнить.

Лиза приподнялась между передними сиденьями.

— Значит, никто не знает?

— Мы знаем, что приехали сюда с шоссе, — сказала Аня.
— И знаем, что указатель занесен снегом.

— А что не знаем?

— Куда ведет следующий поворот, — ответил Сергей.

В этом и была разница между фактом и версией, которую они почти потеряли среди собственных голосов. В тревоге внимание сужается: человек цепляется за самый быстрый выход, за знакомую мысль, за уверенное «я помню». Это не делает его глупым. Так мозг пытается сократить неопределенность и быстрее выбрать действие. Но чувство уверен-

ности в такой момент не становится точнее. Иногда оно лишь громче.

Память тоже не работает как видеозапись. Она собирает прошлое заново из отдельных деталей, и каждая новая подсказка может менять картину. Аня помнила лесной участок и красный шлагбаум. Сергей — дорогу, по которой кто-то вел машину к трассе. Лиза видела занесенный знак. Все трое говорили правду — но правды было недостаточно, чтобы бездумно продолжать.

— Давайте сделаем проще, — сказала Аня. — Назовем, что видим, а потом — что предполагаем.

Это оказалось полезным не только для них. Если в незнакомом месте вы начинаете спорить о маршруте, попробуйте короткое упражнение «факт — версия — проверка»:

1. Остановитесь в безопасном месте. Не изучайте карту и телефон на ходу; если видимость или состояние дороги опасны, не продолжайте движение по незнакомому пути.

2. Назовите наблюдаемые факты. Например: «Мы свернули с шоссе у заснеженного указателя», а не «эта дорога точно ведет к трассе».

3. Отделите воспоминание от подтверждения. «Я ездил здесь много лет назад» — важная информация, но не доказательство, что дорога не изменилась.

4. Найдите проверяемую подсказку и заранее решите, что будете делать, если она не подтвердится. Это может быть заметный ориентир, перекресток или предел,

после которого вы безопасно возвращаетесь на известный маршрут.

Такой разговор не обещает мгновенно найти правильную дорогу. Он делает кое-что важнее: не позволяет предположению незаметно притвориться фактом.

— Что мы видим? — спросил Сергей.

Лиза посмотрела в окно.

— Мы стоим. Сзади одна дорога. Впереди развилка. Указатель между дорогами, но на нем снег. Справа деревья реже. И там, кажется, столбы.

Сергей прищурился. Сквозь снег и ветви действительно проступали тонкие вертикальные линии. Они могли быть столбами вдоль дороги, а могли оказаться стволами, которые свет фар превращал в похожие силуэты.

— Если это линия, она идет примерно на юго-восток, — сказала Аня, наклоняясь над атласом. — По карте шоссе где-то в той стороне.

— Не значит, что дорога выходит туда, — заметил Сергей.

— Не значит.

Лиза перевела взгляд с одного взрослого на другого.

— Вы сейчас впервые согласились за весь вечер. Надо запомнить дату.

Сергей усмехнулся, но улыбка быстро исчезла. За ветровым стеклом дорога разветвлялась. Две колеи уходили в белую темноту, и из машины они казались одинаковыми. Левая ныряла под низкие ели; правая тянулась вдоль редких

деревьев. Обе могли вести к выезду. Обе могли углубляться в лес.

Сергей открыл дверь, но Аня остановила его взглядом.

— Не уходи далеко.

— Я только посмотрю на указатель.

Он вышел, оставив дверь открытой. Холодный воздух сразу вытеснил из салона тепло. Сергей сделал несколько шагов, не сходя с утоптанной колеи, и стряхнул снег с металлической таблички. Под ним обнаружилась лишь темная поверхность и край стрелки; надпись и направление по-прежнему скрывала наледь. Он не стал очищать ее дальше. Снег сыпал ему за воротник, а дорога за спиной быстро теряла очертания.

Вернувшись, он захлопнул дверь и несколько секунд молчал.

— Ну? — спросила Лиза.

— Знак ничего не говорит.

— Он очень вежливый, — сказала она. — Не хочет вмешиваться.

Аня снова посмотрела на карту, затем на линию столбов.

— Правый поворот хотя бы совпадает с тем направлением, куда нам нужно. И дорога шире.

— На полметра, — сказал Сергей.

— Это больше, чем ничего.

— Но недостаточно, чтобы быть уверенными.

— Нам и не нужно делать вид, что мы уверены.

Он посмотрел на нее. Снаружи метель кружила в свете фар, словно пыталась стереть сам факт развилки. Еще несколько минут назад Сергей хотел ехать быстрее, потому что навигатор обещал выигрыш во времени. Теперь любое движение казалось не выбором между коротким и длинным путем, а решением, сколько неизвестности они готовы принять.

— Поворачиваем направо, — сказал он наконец. — Только не потому, что навигатор велит. Потому что там видна линия столбов, направление совпадает с картой. Если через несколько минут не увидим ничего, что подтверждает это, разворачиваемся, пока колея за нами еще читается.

— Договорились, — сказала Аня.

Лиза подтянула к себе коробку с печеньем.

— А если навигатор скажет, что мы приехали?

— Спросим у него, куда именно, — ответил Сергей.

Он включил передачу. Машина двинулась медленно, без прежней самоуверенности. Правый поворот оказался круче, чем казалось издалека. Колеса прошли по старой колее, и кузов чуть качнуло. На мгновение всем стало легче: выбор был сделан, спор закончился, дорога снова стала одной.

Облегчение длилось недолго. В зеркале развилка исчезла в снежной пелене. Навигатор показывал, что они продолжают путь, хотя маленькая стрелка на экране на секунду замерла. Впереди, между редкими деревьями, белая завеса стала гуще. Сергей сбросил скорость.

— Вот это уже не похоже на короткий путь, — сказала Аня.

— Нет, — ответил он. — Это похоже на дорогу, за которой надо следить.

Он крепче взялся за руль. Решение было не безошибочным — никто не мог этого обещать. Но оно было принято после остановки, после проверки того небольшого, что им было доступно, и с заранее оговоренной границей. Иногда именно так выглядит разумная уверенность: не как отсутствие сомнений, а как готовность заметить, если выбранное направление перестало быть безопасным.

Снег впереди продолжал густеть, и дорога, которую они только что выбрали, уже начинала скрываться от них.

Метель закрывает дорогу

Сначала снег делает ночь нарядной. Хлопья поблёскивают в свете фар, ёлки за окном становятся похожи на открытку, а дорога кажется длинным коридором к празднику. Потом снег перестаёт падать хлопьями. Он летит сплошным потоком, и мир за лобовым стеклом сжимается до нескольких метров белого воздуха.

В этот момент водитель может обнаружить, что привычные ориентиры исчезли не постепенно, а все сразу. Нет линии обочины, не видно столбов, не различить поворот. Фары освещают снег, который тут же отражает свет обратно, — и вместо дороги возникает сияющая стена. Машина ещё движется, но пространство уже не подсказывает, куда ехать.

Сергей почувствовал перемену после последнего поворота. До него дорогу прикрывал лес, а за поворотом деревья расступились. Ветер ударил в бок машины, и снег, который минуту назад спокойно кружился у стекла, рванулся почти горизонтально.

Он убрал ногу с педали газа. Стрелка скорости поползла вниз. Аня вцепилась в ручку над дверью, но говорила спокойно:

— Серёж, не надо ехать вслепую. Может, остановимся?

— Сейчас посмотрю, есть ли справа обочина.

Он переключил дальний свет на ближний. Дальний только

ухудшал картину: снежинки вспыхивали перед стеклом, будто кто-то бросал в фары горсть белых искр. Дворники успевали смахивать снег, но не могли расчистить видимость за пределами лобового стекла. Сама дорога словно отступала от машины.

С заднего сиденья донёсся привычный голос Лизы:

— Ну что, если не успеем к полуночи, объявим, что Новый год задержался в пути.

Она произнесла это с улыбкой, но улыбка не прозвучала. Впереди не было ни знака, ни огней, ни даже тёмной полосы, по которой можно было бы угадать асфальт. Лиза замолчала и обеими руками потянула на себя край пледа.

Снег заглушил дальние звуки. Не было слышно ни проезжающих машин, ни деревьев, ни открытого пространства, в которое они въехали. Остался только гул ветра, пока ещё далёкий и неразборчивый.

Сергей отпустил газ почти полностью. Машина ползла медленно. В такой видимости даже небольшая скорость не гарантирует, что водитель успеет понять, что именно оказалось впереди: поворот, сугроб или край дороги. Если перед глазами двадцать метров белой мглы, при скорости около шестидесяти километров в час автомобиль проходит примерно семнадцать метров за секунду. Запас времени на реакцию исчезает быстро — особенно когда свет фар отражается от снега и глаза пытаются отделить дорогу от её белого подобия.

— Серёж, — повторила Аня. — Пожалуйста. Не продолжай.

Он уже собирался ответить, когда перед капотом исчезла последняя тёмная полоска. Сергей повернул руль чуть вправо — скорее по памяти, чем по зрению. Колёса на мгновение потеряли сцепление. Машину мягко повело, и она без удара сползла с дороги в глубокий снег у обочины. Кузов качнулся и замер.

Никто не закричал. Не сработали подушки безопасности. Не было ни столкновения, ни травм. Только шуршание снега по бокам машины и красное пятно стоп-сигналов в белой пелене.

Сергей включил аварийную сигнализацию и попробовал осторожно сдать назад. Колёса провернулись. Снег у арок взметнулся мутной белой пылью, но машина почти не сдвинулась. Он отпустил педаль, снова попробовал — и услышал, как двигатель напрягся, а шины продолжили вырывать под собой яму.

— Всё, — сказала Аня. — Не надо её закапывать.

Сергей больше не спорил. Он выключил двигатель.

Тишина не наступила. Просто исчез привычный шум мотора — и тогда семья впервые услышала, как ветер гудит вокруг машины. Он словно обошёл кузов со всех сторон, проверяя двери и стёкла. Снаружи не было видно, куда именно налетает снег. Только белое движение, бесконечное и близкое.

Несколько секунд никто не говорил. Пауза оказалась такой резкой, что Сергей слышал, как Лиза шевельнула ногой и задела упавший термос.

— Все целы? — спросила Аня.

Она повернулась к дочери, дождалась ответа, проверила, не ударились ли та о спинку сиденья. Потом убедилась, что сама пристёгнута уже не слишком туго, и спросила Сергея, не болит ли у него рука. Только после этого посмотрела на дорогу сквозь стекло. Разглядеть её было невозможно.

Лиза собрала с пола шарф, пакет с мандаринами и выпавшую из сумки варежку. Сложила всё на сиденье, достала свою шапку и натянула её до бровей.

— Ты хорошо одета? — спросила Аня.

— Да.

— Перчатки надела?

Лиза показала руки. Аня проверила, застёгнута ли её собственная куртка, достала из-под сиденья запасной плед и укрыла дочери колени. Это были маленькие действия, но каждое возвращало семье то, что метель отняла у дороги: порядок.

В опасной ситуации полезно сначала проверить не маршрут, а людей и машину. Не потому, что нужно ждать беды, а потому, что тревога заставляет перескакивать от мысли к мысли. Чёткая короткая проверка помогает не пропустить очевидное.

1. Люди. Все ли в сознании, не ударился ли кто-нибудь,

тепло ли одеты пассажиры?

2. Положение машины. Стоит ли она вне проезжей части, не чувствуется ли запах дыма или топлива, не слышно ли необычных звуков?

3. Связь и местоположение. Если телефон ловит сеть, нужно как можно раньше позвонить в экстренную службу и сообщить последнюю известную точку, координаты, число людей и состояние машины.

4. Тепло и батарея. Сохранить заряд телефонов, достать тёплые вещи, выключить ненужные приборы и свет в салоне.

Эта проверка не требует героизма и не обещает немедленно решить проблему. Её задача — дать семье несколько надёжных фактов, когда сама дорога фактов больше не показывает.

— Мы не на проезжей части? — спросила Лиза.

— Колёса ушли в снег у края, — ответил Сергей. — Но по стеклу точно не скажешь, где теперь дорога.

Аня открыла телефон. Карта была сохранена заранее, и точка местоположения определялась даже без мобильного интернета: спутниковая навигация не зависит от того, загружается ли карта через сеть. Они остановились недалеко от участка, где лес кончался, но точно назвать, какой именно поворот остался позади, не могли.

Связь держалась на одной полоске. Аня набрала 112 и продиктовала координаты, направление движения и число людей в машине. Она говорила коротко, без лишних подроб-

ностей. Диспетчер попросил оставаться внутри и не пытаться идти к ближайшему жилью через метель. Информацию о машине и координатах приняли. Аня повторила последние слова, чтобы Сергей и Лиза тоже услышали: им следует ждать дальнейших указаний и беречь тепло.

— Значит, мы больше не едем? — спросила Лиза.

Сергей посмотрел на пустое белое стекло, потом на приборную панель. До полуночи оставалось меньше получаса. Ещё час назад время казалось частью плана: доехать, занести вещи, поздравить родных, успеть к бою часов. Теперь оно стало всего лишь цифрами.

— Нет, — сказал он. — Сейчас наша задача — оставаться в безопасности.

В этом ответе не было поражения. Просто цель изменилась. Когда условия становятся опасными, упорство перестаёт быть добродетелью. Иногда лучший способ сохранить путь домой — перестать двигаться по пути, которого больше не видно.

Важно не пытаться вырваться из снега многократными резкими разгонами. Вращающиеся на месте колёса могут быстро выкопать углубление, и машине станет ещё труднее выбраться. Если лёгкая осторожная попытка не сработала, нужно остановиться, а не превращать неудачу в серию всё более рискованных манёвров. Не стоит и уходить пешком в белую мглу «искать дорогу»: расстояние и направление в ней легко оценить неверно, а автомобиль остаётся заметным

укрытием и ориентиром для тех, кто будет искать пассажиров.

Есть и опасность, которую нельзя увидеть или почувствовать по запаху. Если снег засыпает выхлопную трубу, угарный газ может попасть в салон при работающем двигателе. Он не имеет запаха, поэтому отсутствие необычного запаха не означает, что всё безопасно. В такой ситуации нельзя беспрерывно держать мотор включённым ради тепла. Прежде чем запускать его для обогрева, необходимо убедиться, что выхлоп не забит снегом; выходить наружу для проверки можно только если это безопасно. Если проверить невозможно, лучше не рисковать и следовать указаниям экстренной службы. Тёплая одежда, шапки, варежки и пледы сейчас важнее, чем желание немедленно прогреть салон.

Аня достала из сумки термос и несколько бутербродов. Лиза разложила по карманам курток мандарины и убрала телефон в тёплый внутренний карман, чтобы мороз не разряжал его так быстро. Сергей выключил подсветку салона и проверил, что аварийная сигнализация продолжает работать. Они договорились не включать экран телефона без необходимости: заряд нужен для связи, а не для бесконечной проверки карты, которая уже не могла показать им дорогу сквозь снег.

Для тех, кто собирается в зимнюю поездку, полезно провести короткую проверку ещё до выезда. Представьте, что автомобиль остановился в метель, а до помощи нужно ждать.

Есть ли в салоне плед, тёплая одежда, перчатки, вода и небольшой запас еды? Лежит ли заряженный внешний аккумулятор там, откуда его можно достать, не выгружая багажник на обочину? Знают ли пассажиры, как вызвать помощь и где посмотреть координаты телефона? Эти вопросы занимают две минуты дома и могут оказаться важнее десятка заранее выбранных праздничных маршрутов.

В машине часы показывали 23:38. Секундная стрелка на маленьком циферблате продолжала двигаться, хотя автомобиль больше не двигался совсем. Сергей убрал ладони с руля и положил их на колени. Он не смотрел на дорогу: сейчас она была не задачей, которую можно решить упорством, а опасностью, которую нужно переждать.

Лиза сняла варежку и осторожно коснулась запотевшего стекла, будто хотела стереть белизну снаружи. За окном не показалось ни огонька. Ни дома, ни фонаря, ни даже тёмной крыши. Она вернула варежку на руку и подвинулась ближе к матери.

Семья больше не обсуждала, успеют ли они к полуночи. В метели этот дедлайн потерял смысл. Оставались только тепло, связь, осторожность и люди рядом — четыре вещи, которые можно было удержать, пока дорога скрыта. На часах было без десяти двенадцать; машина стояла неподвижно, и за запотевшими стёклами не было ни одного видимого дома.

Когда пропадает связь

Одна полоска связи похожа на нитку, натянутую через метель: кажется, если держать крепче, она не оборвётся.

Аня смотрела на эту полоску так, будто от неё зависело не только соединение, но и весь путь домой. До Нового года оставалось несколько часов. Они должны были уже подъезжать к бабушкиному дому, где на кухне остывал пирог, а в прихожей, наверное, всё ещё висело приготовленное для Лизы праздничное платье. Вместо этого машина стояла на обочине незнакомой дороги, и снег за окнами двигался сплошной белой стеной.

Телефон поймал сигнал на несколько секунд.

— Бабушка, это мы, — быстро сказала Аня. — Мы немного задерживаемся, тут...

В трубке что-то треснуло. Послышался голос, далёкий и тонкий:

— Анечка, я не...

Связь оборвалась.

Аня не сразу отвела телефон от уха. Потом нажала вызов ещё раз. На экране появилась надпись «Вызов завершён». Она попробовала набрать экстренный номер. Несколько секунд телефон молчал, словно прислушивался к метели вместе с ними, а затем показал: «Нет сети».

— Может, у окна? — предложил Сергей.

Он произнёс это без надежды, но Аня всё равно повернулась к стеклу и подняла телефон повыше. За окном не было ни дома, ни фонаря, ни перекрёстка — только снег, вспыхивающий в фарах. Полоска исчезла.

Сергей смотрел на дорогу. Точнее, на место, где дорога могла продолжаться. Он знал, что выбрал неверный поворот. Не нарочно, не самоуверенно — просто узнал знакомый изгиб, решил, что помнит его. Но теперь в памяти не осталось ничего, за что можно было бы ухватиться.

— Я должен был остановиться и проверить, — сказал он.
— Я думал, что это тот съезд.

Аня повернулась к нему. В её голосе не было ни оправдания, ни обвинения.

— Ты ошибся. Это важно. Но сейчас нам нужно решить, что мы делаем следующие десять минут.

Сергей кивнул. Он опустил глаза, будто хотел разглядеть в коврике перед собой ответ, а потом потянулся за телефоном.

— Я выйду на пару шагов. Может, снаружи поймает.

— Серёж, не отходи.

— Я только проверю.

Он приоткрыл дверь и шагнул в метель. В лицо ударил снег. Фары, которые из салона казались двумя устойчивыми жёлтыми пятнами, снаружи распались на белую пелену. Сергей поднял телефон над головой. На экране не появилось ни полоски. Он сделал ещё два шага — и вдруг перестал понимать, где именно машина: фары светили сквозь снежную

завесу, но не показывали расстояния, а край капота растворился в белизне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.